

Рядом с ней мое сердце бьется чаще

140 УДАРОВ В МИНУТУ

АГНИЯ АРРО

АГНИЯ АРРО

140 ударов
в минуту

ГЛАВА 1

Саркис

— ВСТАВАЙ, — ТОЛКАЕТ МЕНЯ в плечо младшая сестренка. — Кис, ну вставай, там те самые тетеньки пришли, — громко шепчет она мне прямо в ухо.

Тут же вскакиваю с места. В глазах на пару секунд темнеет. Трясу головой, сбрасывая остатки сна. Почему сегодня? Без предупреждения! Говорили же, что позвонят. Потерев кулаками глаза, нахожу шорты на полу. Помятые, в брызгах краски. Одеваюсь. Искать другие некогда.

— Сколько раз тебе говорил, чтобы ты дверь никому не открывала?! — рычу на сестру. Она втягивает голову в плечи и виновато опускает взгляд.

— Ты спал крепко, а мне показалось, что это соседка, — обезоруживающе смотрит мне в глаза.

— Потом обсудим. Тут посиди пока, — треплю расстроенную сестренку по кудрявым волосам.

Натянув на заспанное лицо самую обаятельную из своих улыбок, выхожу в прихожую, плотно прикрыв дверь в спальню. Две женщины сильно за сорок с одинаковыми прическами, в строгих юбках

мышинного цвета и белых блузках, застегнутых на все пуговицы, осматривают меня высокомерным взглядом. Мы с ними встречаемся не в первый раз. Они много разного от меня слышали и далеко не всегда цензурного, но сегодня я буду ангелом. Ситуация сильно поменялась.

— Добрый день, — хрипло приветствую обеих, мысленно рисуя у себя над головой нимб и продолжая улыбаться так, что скулы начинает сводить.

— Здравствуй, Саркис. Почему так сильно пахнет краской? — наигранно морщится одна из женщин.

— У нас ремонт, — толкаю дверь в детскую, демонстрируя газеты на полу, пленку на мебели, которую не удалось вынести, и жестяные банки с персиковыми подтеками.

— То есть девочка вот этим весь день дышит? — Представительница опеки тонким пальцем указывает на наш с Ани творческий беспорядок.

Ну, понеслось! Вдох. Выдох. Улыбаемся. Главное, чтобы челюсть не заклинило от того, насколько я «рад» их видеть и слышать.

— Я проветриваю. А ночью комната закрыта, — объясняю очевидные вещи.

— Где же спит, да и вообще проводит время Анаит? — подключается вторая. — С тобой в одной комнате, что ли? — Праведно возмущаясь, она выпучивает глаза так сильно, что кажется, сейчас глазные яблоки вывалятся прямо на толстые стекла ее очков. Напомаженные губы двигаются в по-

пытке определиться, сжаться им в тонкую полоску или же картинно приоткрыться, образовав идеальную букву «О».

Меня откровенно передергивает от этого театра абсурда, но мерзкие тетки ждут ответа. Что я должен им сказать? Что Ани и правда часто ночует в моей комнате?

После смерти мамы прошел всего месяц, и сестра пока боится засыпать одна. Ей стали сниться кошмары. Она подсакивает среди ночи от собственных криков и слез. Я не собираюсь гнать от себя маленькую напуганную девочку просто потому, что так диктуют нормы морали! Не вижу ничего криминального в том, что Ани прибегает ко мне посмотреть мультики, а потом, когда засыпает, я уношу ее в гостиную. Она сама решила, что на время ремонта хочет жить там.

Нет, этим двум дамам такое озвучивать точно нельзя. У них слишком богатая фантазия. О личной жизни им, наверное, остается только мечтать, вот и бесятся.

— Проходите. — Я все еще веду себя вежливо.

Разуваться? Нет, не слышали! Я босиком хожу, сестренка тут тоже обычно носит в носках, а эти царницы в туфлях вламываются в царство детского беспорядка. Я вообще строгий брат, но не сейчас, не в последний месяц.

— Боже, какой беспорядок! — восклицает одна.

— Ужас! — поддерживает ее вторая, прикрывая свой подвижный рот ладонью.

«Нормально все», — заключаю я.

Пока был на смене, в комнате стало гораздо чище. Сестра успела распахать по полкам свои мелочи, убрать почти всю одежду в шкаф или сложить в аккуратную стопку на стуле. Игрушки валяются на незастеленном диване. На подоконнике свалка карандашей, фломастеров и учебников на следующий год.

Тетки что-то пишут в своих блокнотах.

— Окно открыто, — делают еще одно замечание.

— Лето, — напоминаю им.

— Девочка выпадет из него, ты не понимаешь? — Особенно неприятная тетка снова выпучивает глаза.

— Ей не три года, не преувеличивайте, — вздыхаю, прислоняясь голой спиной к одному из вынесенных из детской шкафов. Улыбаться больше не пытаюсь, и невидимый нимб начинает медленно сползать.

— Нет, это никуда не годится. Это безответственность, Саркис, — отчитывают меня гримзы.

«Терпеть! Нельзя их посылать, — напоминаю себе. — От них слишком многое сейчас зависит».

Веду представительниц опеки в следующую комнату — мою. Анаит сидит на моей, естественно тоже не заправленной (я ведь спал!), кровати, играет во что-то в телефоне. На спинке стула небрежно висит моя футболка. Тоже в краске. На столе валяются открытая пачка сигарет и зажигалка, смятая

бутылка с остатками минералки, немного мелочи, мой телефон на зарядке. Ничего необычного. Сигареты только лишние. Это сразу подмечают и снова что-то записывают у себя в блокнотиках женщины.

— Сколько ты позволяешь ей играть в телефоне? — спрашивает одна из женщин.

— Часа полтора, — прикидываю я. — Нам играть некогда. Мы красоту наводим, — подмигиваю притихшей сестренке. Она тут же кивает.

Уходим с тетками на кухню. Они присаживаются на табуретки. Я прислоняюсь к тумбе с раковиной и чувствую, как от мокрой тряпки, висящей на ней, начинают намочить шорты.

Дамы продолжают усердно строчить что-то шариковыми ручками в своих записных книжках, хотя сейчас все можно делать в телефоне или на планшете. Я очень стараюсь не скрипеть зубами, понимая — все будет очень сложно. На мою сестру они посягали, еще когда болела мама, так что сейчас я готов к самому худшему вердикту. Спасибо хоть заявление на предварительную опеку приняли.

— Что у тебя с работой, Саркис? — Пучеглазая дама поправляет очки, все время сползающие по переносице.

— Устроился. Я же вам говорил, когда приезжал.

— Куда? — постукивает дама ручкой по столу и вновь готовится записывать.

И это я тоже говорил, но все делают вид, что забыли.

— В неплохой автосервис по специальности, — приходится повторять.

— Все равно это пока ничего не значит. Ты и месяца не проработал. Нет никакой гарантии, что тебе заплатят или ты там надолго задержишься. На что ребенка содержать будешь?

— У меня есть доход. Мы вот ремонт на него делаем, — киваю в сторону комнат, начиная тихо злиться.

— Ты про гонки на мотоциклах? Так это тебе в минус, Саркис. Травмоопасное увлечение. Не дай бог, разобьешься завтра. Девочка сиротой останется. — Она продолжает откровенно давить.

— Это не увлечение. Это профессиональный спорт! — Прячу руки в карманы, сжимая их в кулаки, чтобы эти две не видели, как я выхожу из себя.

— Это риск оставить ребенка без опекуна в любой момент, — парирует тетка. — Покажи, что вы тут едите.

Открываю холодильник. Яйца, молоко, кастрюля с супом. Вчера перед работой сварил. Ну и так, по мелочи. Творожки, йогурты, сыра немного осталось, овощи свежие. Никакого криминала. В шкафчиках крупы, чай, кофе. Все как у всех.

— Скромно, — хмыкает та, что большую часть времени молчала.

— Сорри. Черной икры не припас, — все же срываюсь и начинаю язвить. — В следующий раз

обязательно. Вы только предупредите, когда ехать соберетесь. Я, может, и штаны приличные найду.

Тетки усмеваются. Опять что-то пишут.

— Мальчик мой, — вздыхает пучеглазый инспектор, — ты же еще и в призывном возрасте. Университет окончил? Отсрочки у тебя нет. Осенью в армию заберут.

— У меня несовершеннолетний иждивенец.

— Это если тебе опеку дадут. А шансов у тебя практически нет. Рисковый, безответственный грубиян. Ты на работу уходишь, Анаит одна остается?

Закрываю глаза. Медленно наполняю легкие воздухом. Задерживаю дыхание. Еще медленнее выдыхаю, чтобы не послать их к черту.

— За ней соседка присматривает. — У меня даже получается спокойно им отвечать, хотя внутри клоочет злость и требует немедленного выхода.

— Так, может, мы соседке опеку и отдадим? — хмыкает противная тетка.

— Да вы замучили! — не в силах больше себя сдерживать, повышаю голос. — Что вы хотите? Я не понимаю! — хлопаю ладонью по столу. — Ей с родным братом будет хуже, чем с чужими людьми? Вы действительно так считаете?!

— Вспыльчивый, — дописывает вторая инспекторша.

— Да сколько можно! — Я прикрываю глаза, нецензурное слово слетает с губ. От бессилия мне хочется биться головой о стену. Больше я не улы-

баюсь инспекторам. Очевидно же, что они специально ко мне придираются. Меня откровенно заваливают, чтобы забрать сестру.

Они снова пишут. Наверное, помечают, что я матерюсь.

— В течение ближайших нескольких дней комиссия примет решение по твоему заявлению, — голосом робота сообщает «молчаливая», громко захлопнув свой блокнот. — До свидания, Саркис.

Гордо подняв головы, они двигаются к выходу, оставляя на полу черные полосы от каблучков своих туфель.

Зло рыча, пробиваю «двоечку» в стену. В глазах искрит от боли в костяшках. На кухню заглядывает испуганная сестренка. Смаргивает крупные слезы с пушистых темных ресниц. Подслушивала, маленькая пройдоха.

— Иди сюда, — сажусь на пол и тяну к ней руки.

Подходит. Тут же крепко обнимает меня за шею, укладывает голову на плечо. Точно все слышала.

— Меня заберут, да? — всхлипывает Ана.

— Кто им тебя отдаст? — зло ухмыляюсь, понимая, какую бы ненависть я ни испытывал к нашему родному отцу, мне придется переступить через гордость и ехать к нему — просить помощи.

ГЛАВА 2

Саркис

ГДЕ-ТО В МОБИЛЬНОМ у меня был номер этого недопапаши. Листаю контакты, вспоминая, как он записан. Мог удалить со злости еще тогда, три года назад, когда единственный раз в жизни сжал зубы и пошел к нему за помощью. Естественно, получил отказ.

«Все деньги в бизнесе. Кризис. У меня маленькие дети. Ты мужчина. Решай свои проблемы сам», — говорил он мне, семнадцатилетнему, когда заболела мама, а я только окончил школу и поступил в универ.

Три года я боролся за маму сам, как умел. Выучил наизусть имена и телефоны всех лучших, хороших и просто доступных врачей нашего города, расписание работы представительства Минздрава. Хватался за любую возможность заработать, чтобы все тут же отдать за лекарства или консультацию очередного специалиста. Забыл, как это — нормально спать. Мне казалось, я даже во сне искал способы заработать. А еще нужно было учиться, чтобы попасть на бюджет и получить инженер-

ную специальность, которая станет приносить нам хороший доход.

Потом я попал к Гордею Калужскому в мото-клуб «Либерти». Там у меня появились друзья, профессиональные гонки, помощь спонсоров. Стало легче, но маму это не спасло. Мы лишь продлили ей жизнь на эти самые три года. А отец... Он ни разу не приехал за все это время. Ни разу не позвонил. Еще вчера я бы не пустил его на порог, если бы он все же решился приехать. Спустил бы с лестницы и послал к черту.

Моя гордость бунтует. Злость на эту гадину разогревает кровь до кипения. Мне физически больно от мысли, что надо опять идти к нему и просить. Да Ана даже не помнит его! Мама показывала ей фотографии, пока я не психанул и не сжег их все. У нас с сестрой фамилия матери и отчество по деду. Глупо звучит, конечно: Яковлевы Саркис Романович и Анаит Романовна. Со скандалом, но я все-таки уговорил мать поменять нам документы. Не хотел ничего от так называемого отца. Ни имени, ни денег, ни связей.

Друзья мне с сестренкой не помогут. Из самых близких, наверное, Гордей, наш тренер в мото-клубе, и его беременная невеста Ярослава. Мы узнавали. Им не дадут опеку. Гордый все еще под следствием, их жилплощадь тоже не подходит. У них однушка уже фактически на троих. Ясиной бабушке тоже отказали. Возраст. Захар, еще один гонщик из наших, учится в Академии МВД

и практически не бывает дома, а безбашенный Кит — вообще со справкой из психиатрической больницы. Тут даже связи его отца не помогут. Мою Анаит никому из них не отдадут.

Вариантов не остается. Номер отца находится где-то в середине списка, записанный как «Предатель». Набираю. Слушаю гудки и смотрю, как сестренка делает себе и мне чай. Нарезает остатки сыра, выкладывает слоями на ломтики батона, все время сдувая с лица растрепавшиеся темные пружинки кудрявых волос.

— Да! — наконец раздается раздраженный голос в трубке.

— Это твой типа сын, — поясняю я, совершенно уверенный в том, что мой номер у него никак не записан. — Надо поговорить.

— Саркис? — хрипло и удивленно спрашивает папуля.

— У тебя есть еще взрослые дети? — зло усмехаюсь в ответ. — Хотя не удивлюсь.

Так. Стоп. Мне нужна его помощь. Выдыхаем! Выдыхаем!

— Точно, ты, — посмеивается отец года. — Что случилось? Опять что-то с матерью?

— Ерунда. Она умерла месяц назад! — врезаюсь и без того раненым кулаком в подоконник и вдавливаю в него так, словно смогу продавить пластик.

А-а-а!!! Черт-черт-черт! Тормозов у меня нет. Плохо. Продолжаем дышать. Глаза только резать

начинает. Глубокий вдох. Выдох. Спокойно. Это все ради сестры.

— Кошмар, — говорит он с сожалением, в которое я не верю. — Ты помнишь мой адрес? Он не изменился.

— Помню, — цежу сквозь зубы, упершись лбом в оконное стекло.

Пережитое тогда унижение забыть сложно.

— Завтра к шести приезжай. Поужинаем и поговорим. — Отец переходит на деловой тон.

Наверное, так даже лучше. В конце концов, даже наше с ним общение сейчас — это уже сделка. Не знаю, как у него, а у меня своя цель.

— Окей. — Отняв трубку от уха, скидываю звонок и продолжаю смотреть в окно, пачкая подоконник собственной кровью из саднящих костяшек.

— Кис, иди пить чай, — тихо зовет сестра.

Ухожу сначала в ванную. Закрываюсь. Включаю воду. Упираю обе ладони в раковину и смотрю на себя в зеркало. Взгляд волчий, скулы заострились, волосы дыбом. Дикий! Иначе и не скажешь. Смываю кровь с рук, держу их под холодной водой некоторое время, надеясь, что отека не будет. Мне ими еще работать. Умываюсь и выхожу к Анаит. Она жует бутерброд, болтая скрещенными в щиколотках ногами под столом. Сажусь напротив. Залпом выпиваю сразу половину сладкого чая.

— Мы будем сегодня докрашивать стены? — спрашивает сестра.

— Конечно, — стараюсь улыбаться ей как можно теплее. — Доедай, переодевайся и начнем.

Только сначала мне надо сделать еще один звонок. Пока сестра допивает чай и доедает мой бутер, набираю напарника из автосервиса, в который недавно устроился. Договариваюсь поменяться. Я снова выйду в ночную, чтобы не потерять в деньгах и завтра к шести вечера успеть доехать до отца. Ну а напарник отработает за меня днем.

Допив чай, иду к Галине Алексеевне, соседке из квартиры напротив. Одинокая, очень добрая пожилая женщина все время выручала меня или маму. Ей в радость повозиться с Ани. Вот и в этот раз я прошу ее посидеть со своей маленькой сестренкой. В благодарность выношу мусор и поливаю небольшую оранжерею на лестничной клетке, еще одну большую любовь Галины Алексеевны.

Мы с Анаит докрашиваем стены в детской. Выходит довольно нежно, как она и хотела. Здесь осталось совсем немного доделать, и можно возвращать мебель на свои места. Я обещал сестре новое покрывало на кровать и занавески, подходящие под цвета в комнате. С зарплаты надо будет купить и приниматься за гостиную. Ее я хочу изменить полностью, так как в ней жила мама и... Да черт, мне очень тоскливо видеть эти обои на стенах и чувствовать ее запах, открывая шкаф.

К восьми вечера уезжаю на смену. Работы наваливается много. К текущим машинам привозят еще три тачки с пометкой «срочно». И до утра я за-

